

Всероссийский конкурс исследовательских и проектных работ школьников
«Высший пилотаж»

Поиск альтернатив ужасу как способу познания мира- в-себе на основе философии Юджина Такера

Исследовательская работа

Направление «*Философия*»

Автор:

Филиппов Филипп Сергеевич,

учащийся 9 А класса

МБОУ «Гимназия» г. Обнинск

Руководитель:

Капустина Н. С.

учитель истории и обществознания

2024

Обнинск

Введение

Исследовательская мотивация: При исследовании темы философского пессимизма, меня заинтересовала позиция Юджина Такера, который считал, что ужас способствует не-антропоцентричному познанию реальности. Для меня, как для сторонника спекулятивного реализма, философского пессимизма и неортодоксального ландианства, данная тема важна. Юджин Такер при исследовании ужаса в своём трёхтомнике «Ужас философии» проводил анализ художественных произведений в жанре ужаса или близких к нему. Однако такой подход является рискованным: методы Такера небезосновательны, но могут привести к излишнему релятивизму, а реализация заключается в поиске глубинного смысла, который для каждого исследователя субъективен. Например, Юджин Такер писал: «Для меня... чёрный [в живописи] выступает как фон, который всегда готов затмить передний план...» [2, с.64, курсив автора настоящей работы]. В данной цитате мы видим, что автор не столько исследует культуру с позиции философии, сколько ищет своё субъективное отношение к чёрному. Возникает потребность найти метод познания, похожий на ужас и катастрофу, но менее зависимый от личной интерпретации опыта. Более того, при прочтении трудов Ю. Такера, я чувствовал сомнение, действительно ли именно культурологический анализ ужаса как жанра способен приблизить к знанию, поэтому было решено попытаться найти альтернативу.

Объект исследования: познание, способы познания, ужас как способ познания.

Предмет исследования: свойства ужаса как способа познания, альтернативы ужасу как способу познания

Вопрос исследования: Является ли ужас единственным способом познания «мира-в-себе» (на основе философии Юджина Такера)? Существуют ли альтернативы?

Гипотеза: Ужас не является единственным способом познания «мира-без-нас», существуют альтернативы.

Задачи исследования:

1. Изучение причин, по которым ужас работает как способ познания «мира-без-нас».
2. Изучение философских направлений, которые исследовал Ю. Такер (мистицизм, пессимизм).
3. Поиск возможных, менее субъективных альтернатив ужасу как способу познания «мира-без-нас».
4. Подвести итоги исследования

Цель: Найти возможные альтернативы ужасу как способу познания «мира-без-нас».

Метод: анализ, обобщение, аналогия, спекулятивный метод.

Основная часть

Вступление

Юджин Такер в своей работе «В пыли этой планеты» рассматривал ноуменальную сторону мира (которую он называл «мир-в-себе»), и феноменальную (которую он называл «мир-для-нас»). «Мир-в-себе – парадоксальное понятие: в тот момент, когда мы думаем о нём и пытаемся воздействовать на него, он прекращает быть миром-в-себе и становится миром-для-нас...» [1, с. 12]. Далее Такер выделяет «мир-без-нас», который позволяет нам «помыслить мир-в-себе без впадения в порочный круг логического парадокса... мир-без-нас – результат вычитания человека из мира... мир-без-нас находится где-то... в смутной зоне, являющейся одновременно и безликой, и *ужасающей*» [1, с. 13, курсив автора настоящей работы]. Таким образом, для Такера мир-без-нас становится способом познания мира-в-себе, «...является *не-философской попыткой философски помыслить мир-без-нас*» [1, с. 16, курсив Ю. Т.]. Он предлагает «рассматривать ужас не как человеческий страх,... но как границу человека в мире, который является не только Миром[миром-для-нас] и не только Землёй[миром-в-себе], но также и Планетой (миром-без-нас)» [1, с.16]. В своей трёхтомной работе «Ужас философии» Юджин Такер исследует ужас, жанр ужаса, прочитывает философские работы как работы в жанре ужаса [2], изучая мир-без-нас. «Лучшим напоминанием о мире-в-себе» Ю. Такер считает «его проявление в виде природных катастроф... Таким образом, хотя мы никогда не можем испытать мир-в-себе, мы... фатально связаны с ним, как с пределом, устанавливающим, кто мы такие в качестве человеческих существ» [1, с. 12-13]. Исходя из написанного Такером, причина, по которой ужас является способом познания – это то, что «ужас выявляет мир-без-нас как предел» [1, с.16]. Можем заметить, что Ю. Такер не указывал на возможные альтернативы ужасу как способу познания, отчего был выведен соответствующий вопрос как основной для настоящего исследования.

Ю. Такер пишет, что «Культура здесь [в жанре ужаса] становится местом, где мы обнаруживаем попытки встретиться с безличным и безразличным миром-без-

нас...» [1, с.16]. Выявлен один аспект ужаса: космический пессимизм. При интерпретации понятия слова «чёрный» в музыке жанра «блэк-метал» (досл. «black metal» - «чёрный металл»), Ю. Такер находит «космический пессимизм» самым антропоцентричным вариантом интерпретации значения этого слова, он пишет: «Существует лишь анонимное, безликое «в себе» мира, безразличное к нам,.. несмотря на все наши усилия изменить, оформить,.. этот мир... Точка зрения космического пессимизма – это странный *мистицизм* мира-без-нас, герметизм бездны, ноуменальный оккультизм. Космический пессимизм – трудная мысль о мире как абсолютно нечеловеческом (unhuman)...» [1, с.26, курсив автора настоящей работы]. В качестве примера космического пессимизма Ю. Такер приводит Артура Шопенгауэра, который «...видит ... Wille [Волю] безличным, слепым и безразличным к нашим нуждам и желаниям» [1, с.28]. Также Такер выделяет как представителя «космического пессимизма» Г. Ф. Лавкрафта, «чи рассказы пробуждают чувство, которое он определил как “космическая потусторонность”» [1, с.29]. Итак, первая причина, по которой ужас выявляет мир-без-нас как предел – это безразличие космоса, пессимизм. Ужас, равно как и катастрофа, напоминают о том, что реальность безразлична к человеку. Пессимизм унижает ценность человеческого, поэтому, взяв за основу философию Ю. Такера, нам необходимо искать альтернативы ужасу именно посредством изучения идей представителей этого направления. Ужас от осознания безразличия реальности к человеку проявляется не только в работах пессимистов, которых Такер определил как «космических» (Шопенгауэра и Лавкрафта), но и у других мыслителей этого направления. К ним можно отнести норвежских пессимистов Петера Весселя Цапффе [3, с.164-165] и Германа Тоннессена, которые связывают идею бессмысленности бытия с психологической реакцией на её принятие.

Во втором томе «Ужаса Философии», названном Ю. Такером «Звёздно-спекулятивный труп», автор реже упоминает понятия «мир-в-себе», «мир-без-нас» и «мир-для-нас», но продолжает исследовать грань между знанием и незнанием, бытием и небытием. Такер пишет: «Тьма – это сразу и нечто негативное, и нечто

наличествующее ... понятие тьмы позволяет нам помыслить ... дилемму: ничто, которое есть нечто» [2, с. 28]. Автор изучает философию мистицизма, чтобы «проследить двойственный аспект тьмы», - пишет он, - «мы ... свернём на смежную территорию мистицизма». Ю. Такер, однако, будучи анти-теистом, предлагает «“неправильное” прочтение... мистических текстов, [которое] будет... “нерелигиозным”» [2, с. 29], для изучения философской проблематики тьмы, далее, он пишет: «Мы сконцентрируемся на тех моментах, когда тьма используется для определения понятия божественного, - понятия крайне двусмысленного,... и удивительно созвучного с не-человеческим образом тьмы, который *используется в жанре ужасов*» [2, с. 29, курсив автора настоящей работы]. Мистическая философия позволяет проследить предел, которым является «мир-без-нас». И ужас, и мистицизм, оперируют связью с непознаваемым космосом или Богом. Так же как и ужас напоминает о безразличии реальности к человеку, мистицизм и христианская мысль напоминает о незначительности человека по сравнению с Богом: «Он – Господь; что Ему угодно, то да сотворит» (1Цар.3:18). Например, о связи тьмы и Бога пишут патристики Псевдо-Дионисий Ареопагит: «Она [Причина, Бог] сверхсущественно превосходит, и... изъясняется одним тем, кто... вступает «*во мрак, где*» воистину пребывает, как говорит Писание (Исх.20:21), Тот, Кто вне всего» [4, с. 741-743, курсив П.-Д. А.] и Василий Великий: «тьма в мире произошла от тени небесного тела» [5]. Таким образом, и ужас, и христианский мистицизм обращаются к теме темноты и мрака, указывают на малозначительность антропоморфного, следовательно, для поиска альтернатив ужасу как способу познания необходимо также обращаться мистическим философиям.

В 3 томе «Ужаса философии» Юджин Такер связывает религию и ужас, он пишет: «В них[мистических текстах] содержатся отчёты о страданиях, о битвах с легионами демонов... Можем ли мы сказать тогда, что религиозный опыт зачастую противоречит религии?.. Такова аллегория “религии”, которую я нахожу завораживающей в жанре ужасов» [3, с. 26-27]. Юджин Такер приводит в качестве примера того, как литературное произведение (любого жанра) можно прочитывать

на разных уровнях, путешествие Данте и Вергилия по Аду, Чистилище и Раю: «На уровне аллегории путешествие Данте является внутренним и воспринимается нами как духовный путь индивида» [3, с. 21]. Продолжая эту мысль, Такер пишет, что он находит «жанр ужасов интересным не только на уровне буквального смысла, но и на уровне аллегории ... аллегорическое находится на службе буквального». [3, с. 22-23, курсив Ю. Т.].

Развивая тему аллегорий в ужасе, обратимся к работам Грэма Хармана: в его философии метафора играет важную роль в познании. В своей книге «Объектно-ориентированная онтология: новая “теория всего”», после изучения роли метафоры в философиях Хосе Ортеги-и-Гассета и Эдмунда Гуссерля, он подытоживает: «...метафора даёт нам нечто вроде самой вещи: пресловутую вещь-в-себе» [6, с. 78]. Харман не считает, что метафора, связанная с объектом, действительно показывает вещь-в-себе, но реальным объектом метафоры является «новая... объединённая реальность, сформированная из читателя (занимающего место ... объекта) и качеств пламени [эпитета]» [6, с. 80]. В связи с этой позицией относительно метафоры, Харман критикует подход, который он называет «буквализмом». Под буквализмом он понимает веру в то, что «всё существующее должно иметь возможность быть точно изложенным буквальным пропозициональным языком» [6, с. 35]. Объектно-ориентированная онтология Г. Хармана напротив, «утверждает, что буквальный язык *всегда* есть чрезмерное упрощение, так как он описывает вещи в терминах определённых буквальных свойств, при том что *объекты никогда не являются лишь пучками буквальных свойств*». [6, с. 38, курсив Г. Х.]. Я, как автор настоящей работы, присоединяюсь к критике буквализма Грэмом Харманом. Язык является упрощением, потому что он всегда оперирует описанием вещи, нечто наблюдаемого, и формируется на основе наблюдаемого. Таким образом, язык привязывает мысль к вещи, излишне упрощает и не может полностью передать качества и их восприятие. Словесное описание мыслит не бытие или мышление по отдельности, а коррелирует между мышлением и бытием, тогда как спекулятивный реализм утверждает о возможности мыслить бытие само по себе [7, с. 13-15].

Харман приводил пример того, как описание языком молекулярной структуры напитка не способно так же передать ощущение его вкуса [6, с. 38].

С критикой буквализма связана работа Грэма Хармана об одном из классиков литературы ужасов и *weird fiction* – Говарде Филлипсе Лавкрафте, - названная «*Weird-реализм: Лавкрафт и философия*». Грэм Харман выделял главную особенность литературного языка Лавкрафта - умение показывать, насколько реальный объект может отличаться от описания или объект (ноумен) от качеств (феноменов) [8, с. 13-14]. Можно сказать, стиль Лавкрафта, согласно Грэму Харману, анти-буквалистский. Харман пишет: «Ни один другой писатель [кроме Лавкрафта] не был так озадачен зазором между объектами и способностью языка их описывать или между объектами и их качествами» [8, с. 14]. Лавкрафт использует метафоры и аллюзии для описания сверхъестественных существ, он «может намекать на физическую форму Ктулху, даже отрицая буквальные термины описания. Вместо репрезентативистского реализма Лавкрафт работает в рамках идиомы *weird-peализма...*» [8, с. 25, курсив Г. Х.]. Несмотря на то что жанр *weird fiction* и жанр ужасов некоторыми критиками признаётся некачественным, Лавкрафт как писатель и мыслитель достоин изучения [8, с. 17-18, 28]. Лавкрафтовский ужас тесно связан с познанием, с невозможностью буквализировать (в значении этого слова, данном Харманом) реальность, литературный стиль Лавкрафта построен на метафорах и аллюзиях, реальные объекты, появляющиеся в его прозе, ставят под сомнение способность языка к описанию, он «открывает мир, в котором этот зазор [между миром и описанием] доминирует...» [8, с. 33].

Тогда как Такер искал аллегории и скрытые смыслы в текстах *weird fiction* и сюжетах ужасов, в настоящем исследовании будут исследованы не сюжеты, а идеи их авторов. Как указано в исследовательской мотивации, поиск иных смыслов и интерпретация текстов субъективны, из-за чего мы не можем доверять непосредственно художественным произведениям, поэтому нам требуется изучить идеи авторов *weird fiction*: Г. Ф. Лавкрафта и Т. Лиготти.

Итак, для того, чтобы найти альтернативы ужасу, нужно исследовать два философских направления: пессимизм и мистицизм - и идеи писателей жанра weird fiction. Для поиска альтернатив требуется исследовать не только тех авторов, кого изучал Ю. Такер, но и других. Например, из представителей философского пессимизма были изучены работы Германа Тоннессена, Петера Весселя Цапффе и вышеупомянутого Томаса Лиготти, описания идей Г.Ф. Лавкрафта, сделанные другими мыслителями.

Пессимизм

Норвежский философ-пессимист Петер Вессель Цапффе считал, что у человека как биологического вида присутствует переизбыток сознания. В своем эссе «Последний Мессия», он писал, что природа при создании человека дала слишком много рациональности: «Один вид оказался перевооружён [сознанием]: дух делает всемогущим, но в равной степени угрожает самому благополучию. Его оружие подобно мечу без рукояти с обоюдоострым лезвием: владеющий им должен обратить один край против себя» [9], - из-за чего человек и человечество страдает от осознания бессмысленности существования, «человек испугался самой жизни...» [9]. Для того чтобы сохраниться как вид, человечество нашло несколько способов оградиться от неприятных мыслей, Цапффе пишет: «большинство людей учатся спасаться, искусственно ограничивая содержание своего сознания» [9]. Другими словами, люди намеренно избегают размышлений о том, что жизнь бессмысленна.

Согласно Цапффе, человек может использовать четыре способа избегания «неудобных» мыслей: изоляция, анкеровка (постановка на якорь), отвлечение и сублимация. Под изоляцией Цапффе подразумевал полное вытеснение из сознания всех беспокоящих мыслей и чувств. Метод анкеровки заключается в поиске ценностей, ради которых человеку стоит существовать. Цапффе пишет: «Анкеровку можно охарактеризовать как фиксацию точек, построение стен вокруг хаоса сознания. Обычно неосознанная, она может быть сознательной (некто «принял цель»))» [9]. В чём заключается способ отвлечения, понятно из названия: отвлечение человека от пессимистичных мыслей. Мыслитель писал: «Некто ограничивает

критические рамки постоянной погоней за впечатлениями» [9]. Под сублимацией подразумевается преобразование негативных мыслей в творческую деятельность, «позитивные импульсы преобразуют зло в изобразительные, драматические, героические, лирические и даже космические аспекты» [9]. Пессимисты раскрывают неудобную правду, поэтому подвергаются остракизму. Согласно Цапффе, общество, настроенное оптимистично, пытается изгнать пессимистов, заклеить и повесить ярлык «ненормальных», поэтому он критиковал психиатрию: «Психиатрия работает, исходя из допущения о «здоровом» и жизненном как самого важного для личного плана. Депрессия, «страх жизни», ... и прочее ... трактуется как болезненное состояние, требующее лечения. Однако такие вещи являются посланием глубинной, непосредственной сути жизни, горьких плодов гениальности мысли или чувства в корне антибиологических тенденций» [9].

Так как мы изучаем ужас как способ познания в рамках философии Юджина Такера, который является пессимистом [10], то следует принять пессимизм за условие познания, которое так же присутствует в ужасе. Можем заметить, что все четыре способа «спасения» связаны со стремлением уйти, избежать. Изоляция – это избегание мыслей, анкеровка – избегание (пассивного) нигилизма, отвлечение – избегание размышлений, сублимация – избегание собственных мировоззрений (при обращении к сублимации мы меньше обращаем внимание на собственные мировоззрения, но больше на творческую деятельность). Так как посредством избегания возможно устранить пессимистичные мысли и пессимизм, следовательно, следует попытаться аналогично избежать оптимизма и оптимистичных мыслей.

Чтобы развить мысль об изоляции и избегании, рассмотрим эссе норвежско-канадского философа Германа Тоннессена «Счастье – для свиней: философия против психотерапии». При изучении истории философии, Тоннессен решает разделить философию на «философию ума» [11, с.161], которая ставит на первое место в познании разум, и на «философию глаза» [11, с.161], ставящую наблюдение выше рационального познания. Как пример «философа глаза» Тоннессен приводит Гиппократу, который «предостерегал против... теоретизирования и советовал своим

студентам ограничиваться фиксированием в своих записях всех наблюдаемых симптомов пациента и *ничего более*» [11, с.162, курсив Г.Т.]. Упрекая Гиппократов в «протокольном» подходе, Тоннессен критикует философию глаза за «отстранённость от внешнего мира,... недостаток ... эмоциональной вовлечённости» [11, с.162]. В качестве альтернативы умозрительной философии Тоннессен предлагает «душевную философию», близкую к экзистенциализму [11, с.163]. Он пишет: «Это [душевная философия] призыв к движению, Гераклитово мировосприятие, в котором человеческая жизнь – это нечто большее,... и это призыв к свободе» [11, с.163]. По определению «душевной философии», в дальнейшем слова «душевная философия» и «экзистенциализм» будут использованы как синонимы. Задачей экзистенциального философа мыслитель считает пробуждение, необходимо «поставить [нас] перед ситуациями выбора, вместо того чтобы трусливо прятаться за естественными и логическими “законами” и рационально-эмпирическими “данными”» [11, с. 164]. Обыденность и повседневность препятствуют выбору.

Тоннессен выделяет как одно из преимуществ экзистенциализма то, что «сердечная» философия «вовлечена» в знание, он пишет: «Так называемый “вовлечённый” дискурс, представленный в сердечной философии, допускает ... компоненту, которую мы можем ориентировочно обозначить *степенью интеграции знания*» [11, с. 165, курсив Г.Т.]. Под «интеграцией знания» подразумевается глубинное понимание какого-либо факта на эмоциональном уровне, принятие и вовлечение в знание. Например, знание о собственной смертности, как правило, не интегрировано в человека, но лишь остаётся на уровне рационального невовлечённого знания [11, с. 166]. Выход за пределы повседневности, например, посредством поэзии и поэтического языка, согласно Тоннессену, является одним из немногих выходов и способов интеграции знания. Он пишет: «... этой “интеграции”... знания *нельзя научиться* в обыденном смысле обучения. Наставнику придётся обратиться за помощью к поэзии и драме, чтобы *пробиться* *сквозь* барьер повседневной прозы, банальных разговоров и излишней болтовни»

[11, с. 166, курсив Г.Т.]. Здесь подтверждается наше предположение о том, что пессимизму можно научиться, если избегать оптимизма. Связывая эту мысль с философией Такера, ужас «вовлекает» в знание о незначительности человека, из-за которого ужас является способом познания «мира-без-нас» как предела.

С другой стороны, Тоннессен отмечает, что «экзистенциалисты... делают столь чрезмерный акцент на экзистенциальную валидность,... что теряют из виду, либо игнорируют аргументацию» [11, с.167]. Решения данной проблемы автор не даёт, оставляя вопрос открытым, но предлагает пожертвовать точностью языка в угоду интеграции знания [11, с. 168]. Далее в своём эссе Тоннессен исследует и критикует клиническую психологию¹, особенно тех представителей, чья цель – «спасти окружающих людей от ... пагубных взглядов на жизнь...» [11, с. 174]. Он утверждает, что клиническая психология считает нужным придумать для человека такое представление о реальности, которое сможет оградить его неприятных мыслей. Тоннессен пишет: «...когда пациент оказывается неудобно осведомлённым о *собственной* конечности... тогда... единственное способное помочь здесь средство – “философское понимание”... В дальнейшем это становится задачей [психо]терапевта – прописать миф и метафизику, которые “вылечат” ... “космопата”,... что ... даст пациенту приятную иллюзию... “смысла жизни”» [11, с. 173].

Концепция интеграции знания посредством выхода из повседневности добавляет к избеганию оптимизма ещё один фактор. Избегание оптимизма должно быть не только интеллектуальным, но и поэтическим, мистическим, отрешённым от повседневности. Катастрофа и ужас интегрируют знание, так как с этими аспектами человеческой жизни связаны глубокие эмоциональные переживания, а сам опыт катастрофы в развитых странах выходит за рамки повседневности. Мистическая традиция исихазма тесно связана с избеганием влияния общества. Для христиан и, в частности, исихастов молитва является непосредственным и личным *предстоянием* перед Богом [12, с. 40]. Таким образом, нужно обратиться к мистической традиции

¹ Об определении Тоннессеном термина «клиническая психология» см. 5, с. 169.

исихазма и паламизма. После исследования следует убрать христианский аспект философии, оставив исключительно мистический, так как христианство из-за обнадёживающих концепций, таких как Рай или вседобрый Бог, можно назвать оптимистичной религией.

Мистицизм

Григорий Палама видел в аскетизме и молитве способ сблизиться с Богом. Согласно его учению, внешние (языческие) философы, были отрешены от Бога, возвышенного, отчего не могли познавать Его. В своём труде «Триады в защиту священно-безмолвствующих» Палама пишет: «ум внешних философов тоже дар Божий и ему тоже врождена здравая мудрость, но, извращенный внушениями лукавого, он сделал свою мудрость, придумавшую подобные учения, вздорной, лукавой и поистине безумной» [13, с.34]. Исихия позволяет узреть Божий свет, так как в аскетизме, добродетели и воздержании ум отделяется «от всего в мире, через молитву единит его с духовной благодатью, в которой он начинает вкушать Божии озарения, делаясь от них ангелоподобным и богоподобным» [13, с.89]. Практика исихазма позволяет при должной набожности узреть божественный свет, в бесстрастии молящийся «может прикоснуться к Божьему свету и удостоиться сверхприродного богоявления, сущности Божией конечно не видя, но Бога в Его божественном проявлении, соразмерном человеческой способности видеть, – видя» [13, с.66]. Иными словами, Палама говорит, что Бога Самого по Себе нельзя узреть, но только Его проявления как света.

Возвращаясь к Ю. Такеру, проводим аналогию: «мир-без-нас», раскрывает себя в ужасе как предел познания, равно как божественный свет раскрывает себя в исихии как предел познания Бога. Палама считал, что в благочестивой и молящейся душе рождается свет Божий, и Бог пребывает одновременно и в Себе и в нас, передавая не природу, но Своё сияние - происходит обожение [13, с.91-92]. Во время единения с Богом исихаст «только еще яснее понимает бесконечность видимого, что она – бесконечность, и не видит пределов ее сиянию, а скудость своей собственной пригодности к принятию света видит все лучше» [13, с.91]. Обобщим:

Палама считает, что исихия отрекает молящегося от суетности, позволяет узреть свет Божий, познать Бога через Его свет как предел, при этом напоминая о собственной «скудости» по отношению к Богу.

После изучения философии Григория Паламы приведём «нерелегиозную» интерпретацию его философии, как это делал Юджин Такер в «Ужасе философии» [2, с. 29]. Для обоснования практики исихазма возьмём метафизику Шопенгауэра и её интерпретацию Такером (Ю. Такер рассматривает метафизику Шопенгауэра как близкую к действительности [2, с. 158]). Выше проводились аналогии между философией Паламы и Такера. Наблюдение затворником во время молитвы и мистического видения божественного света можно интерпретировать как интеграцию и связь с «миром-без-нас», подобное происходит при переживании катастрофы. Молчальник² покидает суетную повседневность, освобождается от ограничений, наложенных обществом, момент «видения» можно интерпретировать как интеграцию знания, отмеченную Тоннессеном: знание о реальности углубляется и эмоционально осознаётся. Так как мы предлагаем нерелигиозную интерпретацию паламизма, то под «видением» нам не следует понимать иллюзию или галлюцинации, но способ концентрации или иной ментальной практики. Аналогией «Божьего света» в философии Такера может быть «мир-без-нас», который познаётся затворником как предел между непознаваемым Богом и Его светом, так же как и ужас позволяет познать «мир без нас» как предел. Если у Паламы Бог проникает в молчальника, то в «нерелигиозной» интерпретации молчальник, наоборот, сам проникает в Волю (в шопенгауэровском смысле Воли) благодаря тому, что интегрирует своё знание и отрекается от оптимистичных влияний общества на разум. Указанное Паламой признание собственной скудости «нерелегиозно» интерпретируется как космический пессимизм, признающий собственную ничтожность перед Вселенной. Аскетическая и добродетельная сторона исихии исходит скорее от религиозности практики, нежели из познавательного смысла. Действительно, аскетизм и воздержание могут оградить от суеты, но главным для

² Слова «молчальник» и «исихаст» - синонимы

познания в новом нерелигиозном контексте, всё-таки, остаётся интеграция в Волю. Не удалось найти достаточных оснований в философии Такера для какой-либо интерпретации добродетели [2, с. 148-149], поэтому этот аспект исихии нами будет проигнорирован как форма анкеровки (по Цапффе).

Weird Fiction

Итак, мы обнаружили, что затворничество может быть способом познания, однако затворничество в новой, «нерелигиозной», интерпретации - это не способ познания и не теория, а ментальная практика. Поэтому продолжим исследование философий писателей жанра weird fiction, чтобы найти параллели между ужасом и затворничеством и попытаться вывести из исихии способ познания, подходящий для теоретизирования.

Лиготти в своём труде о пессимизме «Заговор против человеческой расы» исследует труды различных философов-пессимистов, мысли некоторых из них были изложены в настоящей работе (Цапффе, Тоннессен [14]). В процессе своего исследования Лиготти принимает пессимизм за истину, несмотря на то что сам заявляет о невозможности это доказать [14, с. 3]. Лиготти следует идеям Цапффе, на протяжении всей работы указывает на то что оптимисты живут в иллюзии [14, с. 244-255]. Лиготти связывает пессимизм, ужас и веру в детерминизм: «Хорошей аналогией этого разрушительного нечего, наличие которого за кулисами ощущает пессимист, является “зловещее присутствие”, незримый кукловод хоррор-фантастики» [14, с. 45]. Далее он пишет, что мотивом сверхъестественного хоррора является изображение того, как «нечто в самой своей сути ужасное заявляет свои права на ту реальность, которую мы считаем нашей» [14, с. 47]. В контексте философии Ю. Такера случается катастрофа, которая напоминает о безразличии реальности к человеку [1, с. 12-13].

Далее обратимся к идеям Лавкрафта. Лавкрафт не выражал свои мировоззрения напрямую в своих художественных произведениях, исследователи узнают о его взглядах из писем и эссе, вследствие чего будут изучены не

произведения Лавкрафта, а изложение и интерпретации его идей Томасом Лиготти, Беном Вудардом и их развитие Винсентом Ле. Юджин Такер тоже исследовал Лавкрафта [3, с. 132-133], но для изложения идей писателя достаточно трёх исследователей.

Лиготти предполагает, что Лавкрафт подразумевал под (вымышленным) космическим богом Азатотом «волю» Шопенгауэра. Равно как Ю. Такер подразумевает под космосом «мир-в-себе», в рассказах Лавкрафта «гибельное нечто, превращающее наш мир в кошмар, индивидуализируется в лингвистически избыточные и противоречивые сущности, прибывшие из-за пределов нашей Вселенной» [14, с. 48]. В weird fiction Лавкрафта проявляется ингуманизм: в конце своей жизни Лавкрафт рассматривал Вселенную как поток частиц, безразличный к человеку и которому бессмысленно давать оценку [14, с. 52]. Согласно Лиготти, фантастические рассказы писателя зиждятся на богоподобных существах, присутствие которых во Вселенной сводит идею улучшения человеческой жизни к космической ошибке [14, с. 130]. Лавкрафтовский ужас обладает особой атмосферой, уникальность которой заметил Лиготти. Он писал: «Хотя он [Лавкрафт] лично использовал атмосферу чтобы усилить чувства,... он также и определил общее назначение атмосферы в рамках хоррор рассказа. Она необходима, чтобы передать настроение воображаемого мира, чтобы мы могли хотя бы на миг притвориться, что вырвались из нашей человеческой сущности и попали в пространства, где человеку нет места...» [14, с. 207].

Продолжая исследование мыслей Лавкрафта, обратимся к эссе Бена Вударда «Безумная спекуляция и абсолютный ингуманизм: Лавкрафт, Лиготти и weirding философии». В нём Вудард развивает идеи связи weird fiction и философии, но для настоящего исследования нам важно только описание идей Лавкрафта. По изложению Б. Вударда, исследуемый писатель-фантаст «...создаёт истории с целью приостановить законы природы, хотя в то же время указывает на их ненадёжность, подразумевая безграничные возможности космического» [15, с. 209]. В произведениях Лавкрафта присутствует ненадёжный рассказчик, ибо «то, чему он

был свидетелем, ставит под вопрос границы нашей материальной реальности» [15, с. 209]. Продолжая эту тему (и возвращаясь к изученной ранее интерпретации Лавкрафта Грэмом Харманом), можем сказать, что ненадёжный рассказчик у Лавкрафта указывает на разрыв между феноменом и ноуменом, на несостоятельность языка как средства описания реальности и ставит под сомнение возможности разума познать реальное. Вернёмся к тексту Вударда. Лавкрафт не утверждает, что его фантастические творения носят сверхъестественный характер, он говорит исключительно о сверхнормальности [15, с. 210]. Эту позицию можно связать с анти-корреляционизмом спекулятивных реалистов: космос имманентен, познаваем, мы можем мыслить бытие-в-себе (не сверхъестественный – значит не трансцендентный). Лавкрафт «воспевал» Ницше и Шопенгауэра, отдавая предпочтение последнему [15, с. 210], что подтверждает предположение Лиготти о том, что Азатот – это Воля Шопенгауэра³. Общий вывод Вударда из изложения мыслей писателей *weird fiction*⁴ звучит так: «Очевидно, что *weird fiction*... составляет анти-антропоцентрическую атаку на бастион корреляционистской континентальной философии» [15, с. 212]⁵.

Развитие и изучение идей Лавкрафта проводит австралийский философ Винсент Ле в своей статье «Тёмный наследник философии» о другом философе – Нике Ланде. Мы же будем рассматривать лишь отношение Ле к Лавкрафту (которое является переложением отношения Н. Ланда). Согласно Ле⁶, «*weird* рассказы Лавкрафта демонстрируют иллюзорность ... обыденной рациональности перед лицом могущественных космических сил, которые безразлично возвышаются над [нами]» [16]. Разрыв между феноменами и ноуменами, скептицизм по отношению к разуму в произведениях Лавкрафта говорят о том, что теоретизация не обязана быть рациональной, и не стоит ожидать, что текст, полученный в ходе манипуляций с

³ Однако Лавкрафт относился к философии критически [15, с. 210].

⁴ Помимо Лавкрафта, Вудард исследовал идеи Томаса Лиготти [15, с. 211-212 и далее], которые описаны в настоящей работе и не требуют повторного изложения.

⁵ Также см. 5, с. 132-133

⁶ Как уже сказано, статья В. Ле относится не к Г. Ф. Лавкрафту, а к Н. Ланду, и взгляды относительного первого – у Ланда и Ле сходны. Поэтому слова «согласно Ле» можно заменить на «согласно Ле и Ланду». Источником является статья Ле, а не статья Ланда (на неё сошлёмся позднее), поэтому ссылаемся на Ле.

ним, будет логичным, скорее всего, результат будет абстрактным. Ле пишет: «Как показывает Ланд, классические монстры Лавкрафта вроде Ктулху и шогготов представляют собой именно абстракции в том смысле, что они являются лиминальными существами, которые своей чуждой и извращённой «запредельностью» отрицают антропоморфное узнавание» [16]. Абстракция имманентна, но она настолько чужда и ингуманистична, что её нельзя познать напрямую. Ле, вместе с Ландом, считает рассказы Г. Ф. Лавкрафта лучшим примером абстрактной литературы. Он пишет: «страх проявляется в столкновениях с ... сущностями из другого мира, которые никак иначе не описать напрямую, кроме как через состояние утраты здравого рассудка рассказчика или принуждения его к тому, чтобы полностью переосмыслить его представления и реальности» [16]. Таким образом, абстрактная литература соответствует реальности, так как язык не способен адекватно описать реальность, абстрактная литература создаёт разрыв в понимании, исключает те части текста, которые буквализируют реальность в угоду ясности.

Итак, из исследований авторов weird fiction мы выяснили следующее:

- Оптимизм – это иллюзия (Лиготти)
- Ужас изображает нечто, что вмещивается в наше представление о реальности (Лиготти)
- Мир-в-себе безразличен к человеку, ингуманистичен, не антропоморфен (Лавкрафт по Лиготти)
- Мир-в-себе имманентен (Лавкрафт по Вударду)
- Реальность имманентна, нет ничего трансцендентного⁷ (Лавкрафт по Лиготти, Вударду и Ле).
- Weird fiction указывает на разрыв между феноменом и ноуменом (Лавкрафт по Вударду)

⁷ Что является одним из тезисов спекулятивного реализма, в частности, плоских онтологий и трансцендентального нигилизма Р. Брассье [17].

- Абстрактная литература ставит под сомнение возможность языка описать реальность (Лавкрафт по Вударду и Ле)
- Абстрактная литература не буквализирует реальность (Лавкрафт по Ле)

Аргументация

Юджин Такер в каждом из трёх томов «Ужаса философии» интерпретировал различные сюжеты и тексты, находя в них смыслы, которые, возможно, и не закладывались автором, использовал тексты жанра ужасов или имеющие проявления сверхъестественного. Выходом может быть поиск иных смыслов в текстах. Так как личный опыт исихии не может быть использован в анализах, следует перенести исихию на какой-либо объект, «практиковать» исихию будет не воспринимающий субъект, но текст. Мы выяснили, что исихия отделяет молящегося от влияния общества, влияние которого затрудняет достижение пессимизма как реализма, и, посредством практики, исихаст «проникает» в Волю.

Текст надлежит изолировать от контекста гуманизма, исключив слова и мотивы, которые не соответствуют требованиям, выведенным из нашего исследования weird fiction. Абстрактная литература описывает реальность лучше какой-либо другой, несмотря на то что она всё ещё остаётся под воздействием упрощения, которое происходит из-за использования языка [6, с. 38]. В «Манифесте за абстрактную литературу» Ник Ланд пишет: «Абстракция в себе [in itself] есть суверен негативной определённости [determination], и никогда не может впасть [fall under] в формальное отношение. Она не противопоставляет себя конкретному, за исключением тех условий, ключи которых зашифрованы внутри себя. Апофатический метод (via negativa) есть её дисциплина» [18]. Таким образом, будет применен тот «апофатический метод» абстрактной литературы, о котором писал Ланд. Из текста требуется исключить оптимизм, антропоцентризм и антропоморфизм. О необходимости исключения оптимизма мы выяснили при исследовании Лиготти, ингуманизма – из изучения Лавкрафта, критику антропоморфизма проводили Ник Ланд и Винсент Ле [15]. Абстрактность

литературы сама по себе пессимистична, абстрактная литература «пишет намёками, ... но без надежды» [18].

Необходимо заметить, что мы не станем заполнять те пустые пространства, что появятся на месте исключённых слов. Действительно, текст получится абстрактным и иррациональным, несвязным. Как мы уже выяснили, абстрактность языка не буквализирует реальность, мы не задаем новый антропоморфный контекст для текста. Хотя текст получится неясным и нелогичным, он будет описывать реальность лучше, нежели буквализирующий текст, как писал Ланд: «Поскольку литература не знает ничего [knows nothing], она может обратить слепоту в видение бездны» [18]. Получившийся текст становится интегрированным в Волю, и лучше передаёт «мир-в-себе», так как отдаляется от влияния общества, избегает оптимизма и антропоцентризма, то есть, приводит к тем же результатам, что ужас и затворничество. Язык говорит сам за себя, согласно Ролану Барту, «говорит не автор, а язык как таковой» [19]. Текст подразумевает наличие различных интерпретаций, но не единого смысла, поэтому мы не можем упрекать метод в том, что он «искажает» мысль автора. Восприятие текста и его смысла производится читателем, поэтому мы можем изменять текст автора, не опасаясь потери смысла, так как единого смысла в тексте нет: «письмо постоянно порождает смысл, но он тут же и улетучивается, происходит систематическое высвобождение смысла» [19].

Вопрос различения того, какие именно части текста надлежит исключать, а какие – нет, я оставляю интерпретатору текста. Идея об искажении текста требует доработки, однако цель была достигнута, и альтернатива ужасу как способу познания «мира-в-себе» найдена.

Заключение

В настоящем исследовании был избран спекулятивный метод и сформулирована гипотеза, согласно которой существует альтернатива ужасу как способу познания «мира-в-себе» (в терминологии Ю. Такера), затем было обнаружено, что способом познания может являться затворничество. Так как затворничество не может быть проанализировано, была предложена теория, согласно которой, если исключить из какого-либо текста антропоцентризм, оптимизм и антропоморфизм, то получившийся текст будет описывать реальность или идею лучше, чем исходный (так как язык говорит сам за себя, мы не можем говорить о «смысле», заложенном автором). Считаем, что достигли поставленной цели исследования, несмотря на то что результаты требуют доработки. Задачи исследования были выполнены. Были изучены причины, по которым ужас – согласно Ю. Такеру – является способом познания «мира-в-себе», затем были исследованы работы представителей направлений, которые изучал Ю. Такер: пессимизм (Цапффе, Тоннессен, Лиготти), мистицизм (Палама) и изложение мыслей Лавкрафта как автора weird fiction (Лиготти, Вудард) и их дальнейших интерпретаций (Ле, Ланд). Был найден альтернативный способ познания «мира-в-себе», однако эта задача была выполнена частично. Изначально требовалось найти менее субъективный способ познания, но не удалось понять, действительно ли искажение текста и затворничество менее субъективны по сравнению с ужасом и исследованием ужаса. Исследование проводилось в рамках философии Ю. Такера, поэтому для нахождения альтернативы ужасу использовался метод аналогии.

Перспективы дальнейшей разработки темы

Как уже указано в работе, метод искажения текста требует значительной доработки. Дальнейшего исследования требует вопрос о том, каким образом будет проводиться искажение текста, а также то, что в тексте можно определить как антропоцентризм, оптимизм и антропоморфизм.

Были предложены лишь две альтернативы ужасу как способу познания «мира-в-себе» в рамках философии Ю. Такера, но не было доказано, что предложенные методы – единственные, поэтому в дальнейшем можно не только развивать предложенные методы, но ещё и искать новые альтернативы.

Список источников

1. Ужас философии : в 3 т. / Ю. Такер. – Пермь : Гиле Пресс, 2017 – ISBN 978-5-9906611-6-5
Такер, Ю. Т. 1 : В пыли этой планеты / пер. с англ. А. Иванова. – 2017. – 184 с. ISBN 978-5-9906611-4-1
2. Ужас философии : в 3 т. / Ю. Такер. – Пермь : Гиле Пресс, 2017 – ISBN 978-5-9906611-6-5
Такер, Ю. Т. 2 : Звездно-спекулятивный труп / пер. с англ. А. Иванова. – 2018. – 198 с. ISBN 978-5-6041044-0-8
3. Ужас философии : в 3 т. / Ю. Такер. – Пермь : Гиле Пресс, 2017 – ISBN 978-5-9906611-6-5
Такер, Ю. Т. 1 : Щупальца длиннее ночи / пер. с англ. А. Иванова. – 2017. – 214 с. – ISBN 978-5-6043581-0-8
4. Псевдо-Дионисий Ареопагит. О мистическом богословии // Сочинения / Дионисий Ареопагит; Толкования Максима Исповедника; [Пер. с греч. и вступ. ст. Г.М. Прохорова]. - СПб. : Алетейя, Изд. Олега Абышко, 2002. - с. 737-764
5. Василий Великий. Беседы на Шестоднев / Василий Великий // Азбука Веры – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vasilij_Velikij/besedy_na_shestodnev/ (дата обращения: 10.01.2025)
6. Харман, Г. Объектно-ориентированная онтология : новая «теория всего» / Грэм Харман : пер. с англ. Максима Фетисова – 2-е изд. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2024. – 256 с. – ISBN 978-5-91103-738-3

7. Мейясу, К. После конечности : Эссе о необходимости контингентности / пер. Л. Медведевой – Екатеринбург ; Москва : Кабинетный ученый, 2017. – 196 с. ISBN 978-5-7525-3069-2
8. Харман, Г. Weird-реализм : Лавкрафт и философия / пер. с англ. Г. Коломийца и П. Хановой. – Пермь : Гиле Пресс, 2020. – 258 с. ISBN 978-5-6043581-1-5
9. Цапффе, П. В. Последний Мессия / П. В. Цапффе // RuLit - URL: <https://www.rulit.me/books/poslednij-messiya-read-517162-1.html> (дата обращения: 22.11.2024)
10. Такер, Ю. Космический пессимизм / Ю. Такер // Проза.ру – URL: <https://proza.ru/2018/06/01/1770> (дата обращения: 25.11.2024)
11. Тоннесен, Г. Счастье – для свиней: философия против психотерапии / Г. Тоннесен // Опустошитель. – 2018. - № 26. – С. 156-184
12. Как можно видеть Бога. Святитель Григорий Палама / Сост. Н. С. Посадский. – М.: Сибирская Благовонница, 2017. – 44, [4] с. ISBN 978-5-906911-26-1
13. Палама Г. Триады в защиту священно-безмолвствующих / св. Григорий Палама : пер. с греч. В.В. Биbihина. – СПб. : Наука, 2004. – 384 с. ISBN 5-02-026874-7
14. Лиготти, Т. Заговор против человеческой расы / Т. Лиготти. – Эсхатон, 2023 – 314 с.
15. Вудард, Б. Безумная спекуляция и абсолютный ингуманизм: Лавкрафт, Лиготти и weirding философии / Вудард, Б. // Логос. Том 29 – 2019. - № 5. – С. 203-228
16. Ле, В. Тёмный наследник философии / Винсент Ле : пер. с англ. Олега Лунёва-Коробского // spacemorgue - URL: <https://spacemorgue.com/abstract-horror/> (дата обращения: 15.12.2024)
17. Брассье, Р. Выравнивание: против «плоских онтологий» / Р. Брассье // inlosarance - URL: <https://insolarance.com/deleveling/> (дата обращения: 22.11.2024)

- 18.Ланд, Н. Манифест за абстрактную литературу / Ник Ланд : пер. с англ. Олега Лунёва-Коробского // spacemorgue - URL: <https://spacemorgue.com/manifest/> (дата обращения: 14.01.2024)
- 19.Барт, Р. Смерть автора / Р. Барт // 24centre – URL: https://24centre.ru/uploads/files/Texts/Publicisticheskie/Smert_avtora.pdf (дата обращения: 07.01.2025)